

никам их собственные фотографии, их достижения, их «авторство». Впрочем, могло бы быть иначе. История искусства в избытке дает примеры *возвращений* иного рода. Как после посещения мастерских знакомых художников, по свидетельству современников, «*возвращал*» последним Пикассо их открытия (к которым они шли годами, но, как часто бывает, сами еще не осознали, что сделали) в *своих картинах и под своим именем*, как вернул Бракку, например, его кубизм. За эту его способность талантливо схватывать на лету чужую идею, художники его не любили и в мастерские свои не пускали.

Итак, хотя прежняя идентичность, прежние точки сборки художника основательно разрушены, однако в иной, квазиавторской, но все же в авторской форме они продолжают жить, жить с пониманием того, что *чистоты самоощущения авторства* и не отчуждаемого никем видения уже не достичь.

¹ Подробнее см.: Экспозиция куратора // Художественный журнал. 2000. № 32. С. 36–39.

² Назад к фотографии: Статьи. Разговоры о фотографии: Каталог выставки. М., 1996. С. 282.

МЕНТАЛЬНОЕ САМОПОЗНАНИЕ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ: ОТ КНИЖНЫХ МЕМУАРОВ XIX в. К ТЕЛЕМЕМУАРИСТИКЕ XXI в.

И. Л. Сиротина

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
(Саранск)*

В динамично меняющемся и перманентно усложняющемся мире устойчивые априорные структуры жизнедеятельности общества часто оказываются почти непреодолимым фактором, той слабо осознаваемой, но существенной реальностью, о которую разбиваются планы преобразователей, не склонных к рефлексии глубинных культурных оснований. Поэтому в современном общественном сознании постоянно растет значимость исследований ментальности.

Предметом нашего исследования является менталитет российской интеллигенции, его представленность в отечественной мемуаристике.

Цель – выявить принадлежность мемуаротворчества к тому типу философствования, который сложился в отечественной культурно-философской традиции.

Оговоримся, что и предложенная тема, и проблемный ракурс ее рассмотрения, а также характер и методы его интерпретации, как и все иные компоненты научного дискурса, в данной работе относятся к сфере культурологии, даже в части рассмотрения проблем отечественной философии или феномена философствования.

Понятия «российская интеллигенция» и «менталитет» имеют в исследовании сквозной характер, на нить их анализа нанизываются проблемы «самопознания и самоидентификации», «самобытности русской философии», «интенции мемуаротворчества», «формирования элиты» и др.

Периодически возобновляющиеся попытки исследователей обратиться к социально-политическим, эстетическим, нравственным представлениям участников интеллигентского движения в России являются не только актами познания отечественной истории и культуры, но и актами культурного самопознания, постижения роли интеллигенции в духовной жизни России, в том числе и в становлении отечественного типа философствования.

Обширнейший материал для подобных исследований предоставили нам сами русские интеллигенты. Как справедливо полагает Г. Г. Кириленко, «...об интеллигенции говорить легко, потому что она сама говорит о себе больше всех. Интеллигенция “на виду”, она не скрыта в толще народного быта, не плутает в лабиринтах власти; ее бытие – сфера духа, ее поступок – слово»¹. Русская интеллигенция избрала *слово* в качестве основного средства самореализации. В слове же и связанных с ним разнообразных жанрах лучшие представители ее вели поиск смысла своего существования, предназначения, социального статуса, философствуя в соответствии со сложившейся в России традицией. Они используют все жанры устного и письменного словесного творчества, чтобы донести до мыслящих граждан собственные взгляды и представления о том, «как обустроить Россию».

«Интеллигентные словесники» (З. Н. Гиппиус) вели оживленную переписку, заносили наболевшие мысли или мимолетные наблюдения в дневники, а свою миссию учительства несли не только непосредственно, но и рассказывая о своей жизни или жизни своих замечательных современников, что считали чрезвычайно поучительным. Нам остался в наследство огромный комплекс писем, документальных очерков, воспоминаний, автобиографий, дневников и исповедей – одним словом, литература, которую принято называть мемуаристикой и которая составляет весьма продуктивный пласт вненаучного знания.

Мемуары во все времена были популярны, интересны, читаемы. Литература подобного рода довольно хорошо исследована филологически и исторически. Гораздо меньше внимания уделено философскому (культурологическому) потенциалу мемуаристики, в то время как многие интеллигенты брались за исповедальное или автобиографическое перо именно из потребности пофилософствовать о «вечных проблемах» культуры и рассмотреть с разных точек зрения смысложизненные категории.

XX век со своим техническим прогрессом подарил мемуаристам огромные возможности для самореализации, в результате появились новые формы, виды, типы и жанры мемуаристики, а значит, и новые возможности для философствования. И если философствование – это поиск смыслов, то один из конститутивных признаков интеллигенции – стремление к философствованию. В любой ситуации своего бытия: мысленно, в дневнике, в путевых заметках; для узкого круга самых близких (в беседе), в письме, в мемуарах, в записках; публично (в газетной статье), в научном труде, в художественной прозе, в стихах, со сцены, у радиомикрофона, в телевизионном выступлении и т. д.

Расшифруем применительно к нашему контексту еще одно значимое понятие – «менталитет». Не имея возможности пускаться в запутанный и бесплодный в смысле установления категориально-терминологического согласия разговор о том, что такое «менталитет» и чем он отличается от «ментальности», ограничимся кратким определением собственной позиции. Соглашаясь с мнением, что «менталитет – это глубинный уровень коллективного и индивидуального сознания, включающий и бессознательное», а ментальность – это «совокупность готовностей, установок и predisположений индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом»², предложим более емкую формулу: под ментальностью мы понимаем *совокупность устойчивых интенций смыслообразования*. И, таким образом, мы разведем менталитет и ментальность как разноуровневые понятия. Самое простое толкование: *ментальность – это принадлежность к определенному менталитету*.

В рамках избранной темы нас больше интересует другая проблема, связанная с этими понятиями: в чем заключается ментальное самопознание?

Здесь уместно процитировать Г. Г. Елизаветину: «Слова Стендаля: “Я должен написать историю своей жизни; может быть, когда она будет написана, я, наконец, узнаю, какой я был, – веселый или печальный, умный или глупый, храбрый или трусливый и, главное, счастливый или несчастливый...” – могли бы повторить немало авторов записок»³.

Хочется добавить: *западных* авторов записок, т. к. для российских авторов характерны совершенно иные мотивы мемуаротворчества. Если российский интеллигент берется за написание истории своей жизни, то чаще всего, чтобы разобраться не столько в себе, сколько в своем времени, своей культуре, судьбе России, наконец. Так, в том «потоке сознания», который одновременно был и «потоком переживаний», как характеризует «Уединенное» В. В. Розанова Арсений Гулыга, он видит, как «через все, представленное автором, через его случайные бытовые заметки встают две проблемы... Одна из них – судьба русского человека. Другая – соборная судьба России»⁴. Самопознание, безусловно, присутствует в автобиографических жанрах мемуаристики, но в специфической форме – как стремление самоидентифицироваться в плане принадлежности к определенной социальной группе, политическому течению, религиозной конфессии, типу культуры, т. е. именно как *ментальное самопознание*. Поскольку «...менталитет не осознается или плохо осознается современниками, ибо представляет для них нечто само собой разумеющееся»⁵, тут необходим ретроспективный взгляд, взгляд из другого времени, возможность которого и предоставляют многочисленные и разнообразные формы мемуаристики.

Исследование феномена «телемемуаристика», этапов его существования на отечественном ТВ, анализ различных форм телемемуаров и творчества наиболее заметных телевизионных мемуаристов неизбежно выводят на некоторые мировоззренческие обобщения, касающиеся, в частности, трансформации в современной культуре традиционных для России понятий (*элита, знать, благородное собрание, властители дум* и др.) и места фигуры телеведущего в структуре актуальной культуры.

¹ Кириленко Г. Г. Посланник трех миров: интеллигенция в российской культуре // Социс. 1997. № 3. С. 74.

² См.: Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 176.

³ Елизаветина Г. Г. «Былое и думы» А. И. Герцена. М., 1984. С. 28.

⁴ Гулыга А. В. Русская идея и ее творцы. М., 1995. С. 147.

⁵ См.: История ментальностей, историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 29.